

В.Е. Разумков

С кортиком и стетоскопом

(Воспоминания военно-морского врача)

Служу России!

Владимир Разумков

С кортиком и стетоскопом

«Горизонт»

2012

Разумков В. Е.

С кортиком и стетоскопом / В. Е. Разумков — «Горизонт»,
2012 — (Служу России!)

В памяти всплывают события, даты, люди, многие из которых уже давно закончили жизненный путь. Их образы, слова, привычки, иногда настолько четкие и рельефные, что просто удивляешься, как все это сохраняется в памяти, как удивительно гениально устроен наш биологический компьютер, способный сохранить все эти события, факты и действующих лиц. И в этом нет ничего удивительного, ведь это воспоминания о молодости, то есть о тех счастливых годах, когда все еще впереди, когда живешь надеждой на лучшее будущее. Девиз – «С кортиком и стетоскопом». И это не противоречие. Я был военным врачом, а это подразумевает готовность к оказанию медицинской помощи, а при необходимости быть и воином. Это великая честь: врач и воин. Спасибо судьбе. Итак, «по местам стоять, с якоря, швартов сниматься, полный вперед». Автор книги закончил Военно-Морскую медицинскую академию (Ленинград), по окончании которой шесть лет служил на эскадренном миноносце «Безудержный» (КЧ ВМФ).

© Разумков В. Е., 2012

© Горизонт, 2012

Содержание

Предисловие	5
Назначение	6
Корабль	9
«Слон»	11
«Перпетуум-мобиле»	13
«Румпель»	14
Флотский харч	15
У доктора средство!!!	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Евгеньевич Разумков

С кортиком и стетоскопом

Предисловие

*Ничто в мире так не роднит души,
как море, пройденные мили.*

Ю. Пахомов «После шторма»

Старею, плохо сплю, по ночам в голову лезут всякие мысли, воспоминания. Диагноз ясен: склероз, начальное явление старческого маразма. Учебники, описывающие это состояние, правы, на себе убедился. Для этой стадии характерно отсутствие памяти на сиюминутные события, зато прекрасно помнится, что было лет 50 назад. В памяти всплывают события, даты, люди, многие из которых уже давно закончили жизненный путь. Их образы, слова, привычки, иногда настолько четкие и рельефные, что просто удивляешься, как все это сохраняется в памяти, как удивительно гениально устроен наш биологический компьютер, способный сохранить все эти события, факты и действующих лиц.

Итак, нет худа без добра. Используем момент, когда еще не все так сильно запущено и включаем «базу данных». Мы поплывем (а по-морски – пойдем) по волнам океана памяти к тем островам, которые так крепко сидят в моей седой голове. И в этом нет ничего удивительного, ведь это воспоминания о молодости, то есть о тех счастливых годах, когда все еще впереди, когда живешь надеждой на лучшее будущее. Девиз – «С кортиком и стетоскопом». И это не противоречие. Я был военным врачом, а это подразумевает готовность к оказанию медицинской помощи, а при необходимости быть и воином. Это великая честь: врач и воин. Спасибо судьбе.

Итак, «по местам стоять, с якоря, швартов сниматься, полный вперед».

В.Е. Разумков

Назначение

Академия позади, получил назначение на ЧФ (Черноморский Флот). Поезд несет меня на юг, место службы не определено, от этого тоскливо на душе и, не скрою, страшновато. В голове пульсирует только одна мысль: только бы не в Потти, только не в Потти. На следующий день в кадрах Флота встречаю своего друга и однокашника Володю Свицерского. Он приехал раньше меня на сутки. Мы сидим перед кабинетом кадровика медслужбы и тихо обсуждаем возможные назначения.

– Только не в Потти, – говорит он. – Куда угодно, только не туда.

Я согласно киваю головой. Да, город Потти пользовался у нас дурной славой. От старших товарищей мы слышали о постоянных стычках моряков с местным населением, о национализме, о не любви и неуважении к нам местного населения.

– Разумков! Заходите.

Угрюмый майор м/с кивнул на стул. Он полистал бумажки, лежащие на столе, и, посмотрев на меня равнодушным взглядом, коротко сказал:

– Потти, эсминец «Безудержный». У меня перехватило дыхание и похолодело внутри:

– А можно на другой корабль? – пролепетал я.

– Вам все понятно? Оформляйте документы и вперед. Я вышел из кабинета. Свицерский посмотрел на меня и все понял.

– В Потти? – криво улыбаясь, спросил он. Эта улыбка вызвала во мне приступ ярости.

– Не радуйся, и ты загремишь со мной!

– Свицерский, заходите! Через 5 минут он вышел бледный, его пальцы дрожали.

– Куда? – спросил я.

– Туда же, – промямлил он. И тут я не сдержался:

– Ну что порадовался, что я место забил? Не выйдет, никуда ты от меня не денешься, мы всегда будем вместе!

И мы, чертыхаясь и кляня все и всех, пошли оформлять документы. Оформив их и получив билеты в каюту 3 класса на теплоход «Грузия», на следующий день вышли в море.

Был август, стояла чудесная погода, по палубе гуляли толпы пассажиров. Настроение было неважное – мы двигались в неизбежное, незнакомое и пугающее будущее. Кюта была на нижней палубе, в ней было душно и мы решили проводить время на верхней палубе, где был бассейн и можно было искупаться. И у бассейна носом к носу столкнулись с добрым и милым преподавателем органической химии из нашей Академии Хавиным. Он, увидев и узнав нас, очень обрадовался. Широко растопырив свои огромные волосатые руки закричал:

– Голубчики Вы мои! Как я рад, мне здесь так скучно!

Мы тут же были приглашены в его кюту I класса, где было просторно, свежо, был душ и туалет. Тут же появилась бутылка хорошего грузинского вина, какая то закуска и мы, забыв все свои тревоги, стали вспоминать нашу «alma mater», органическую химию, а по мере уменьшения вина в бутылке, остановились на дискуссии о красоте прекрасного пола, в чем Хавин, как оказалось, разбирается гораздо лучше нас, молодых старлеев.

Настроение улучшилось, почувствовав прилив новых сил и бойцовских тенденций, мы вышли на палубу на поиски приключений. И приключения начались. Около бассейна я познакомился с очаровательной блондинкой. Слово за слово и я узнал, что она следует в Батуми, где на береговой батарее служит ее муж. Блондинка вызывала пламенные взоры проходящих мужчин, особенно кавказской наружности, и вдруг появился он. Это был симпатичный, стройный капитан-лейтенант с очень подвижным лицом и внимательным взглядом, в котором без труда можно было разглядеть большой интерес к моей спутнице. Я был в форме, и он, остановившись около нас, спросил:

– Старлей, Вы не в Потти случайно?

– Случайно в Потти, – ответил я.

– И куда Вас забросила судьба? – любопытствовал каплей.

– На корабль, на эсминец.

– Да ты что! Не на «Безудержный» ли? Я удивился, но ответил утвердительно.

– Так, старлей, разреши представиться, Афанасьев Борис Васильевич, помощник командира эсминца «Безудержный» собственной персоной. Вот так встреча. Ну, вот что, друзья, – обратился он к нам, – такую встречу необходимо отметить. Прошу ко мне в каюту, все уже на столе.

Свидерского не было, и я в сопровождении блондинки оказался в каюте Бориса, даже не представляя, сколько интересного в моей службе будет связано именно с ним.

Вино было отменным, блондинка очаровательна, Борис Васильевич фонтанировал остроумными анекдотами. Жизнь прекрасна! Приближался вечер, а утром мы уже должны придти в Потти. Когда стемнело, каплей, пользуясь временным отсутствием блондинки, взял меня в оборот:

– Слушай, док, ты ведь женат, да?

– Да, а что?

– Как что? Начинать службу на корабле с измены своей законной – кощунство. Отдай блондинку мне! Отдай, я, как никак, старше тебя и по возрасту и по званию, да и по должности, ну а главное, я холост. Понял – холост и очень голоден на эту «тему».

Он разбивал все мои планы и надежды, но аргументы были весомы.

– Ну, ладно, – сдался я, – смоюсь под благовидным предлогом. Бог с вами, хоть и делаю это с болью в сердце и раной в душе.

– Ладно, ладно, сочтемся. Кстати, завтра утром увидимся в порту и вместе на корабль пойдем.

Я побрел в каюту, где разомлев от жары и безделья, маялся Володя Свидерский, а проще «Свида». Засыпал трудно, представляя то, что происходит в каюте Бориса, и по-черному завидую ему.

Утром, часа за 2 до прихода в Потти, в каюту постучали. Я открыл двери и с удивлением увидел моего нового знакомого и сослуживца.

– Док, ты с кем меня познакомил, а? Смотри, что она, кошка драная, наделала!

Смотреть уже не надо было, я и так увидел его мужественное лицо с тремя глубокими царапинами, идущими от левого уха почти до угла рта.

– О, как у Скорцени! – восхитился я (в те времена я глубоко изучал историю третьего Рейха).

– У кого, у кого? – изумился он. – Ты что, еще только из яйца вылупился, а уже над помощником командира издеваешься! Ты виноват, что я с этой тигрицей познакомился, вот и делай с этой раной что хочешь, но чтобы никто на корабле ничего не заметил. Представляешь, что мне старпом скажет, а?

– А чем я вам помогу, у меня ничего с собой нет!

– Думай, док, думай. Тебя же в Морской медицинской академии учили для работы в любой обстановке. Законопать мне рожу чем-нибудь, хоть временно, потом что-нибудь с тобой придумаем, – взмолился он.

Что делать? Я лихорадочно соображал, как помочь незадачливому любовнику и вдруг меня осенило. Вчера я, изучая теплоход, случайно прошел мимо медпункта. Дверь в него была открыта и я заметил привлекательную женщину в белом халате. «Видимо, медсестра», – решил я, и мы обменялись с ней изучающими взглядами.

– Так, пойдем, – сказал я.

– Куда?

– Куда, куда! Туда, куда надо.

Я потянул «помощника» за собой. С трудом отыскав медпункт в лабиринте коридоров и палуб, робко постучался. К счастью, услышал: «Заходите!». Открыв дверь, с радостью увидел ее.

– Доброе утро, коллега! Начальник медслужбы эскадренного миноносца старший лейтенант Разумков В.Е., – выдохнул я. – Прошу помощи, коллега!

И я коротко изложил суть дела. Миловидное лицо моей коллеги расплылось в широкой и веселой улыбке:

– Так вам, извините, кобелям и нужно! Не успеют имя узнать, а уже в постель тянут! Ну, давайте, доктор, своего помощника командира.

Я выглянул в коридор и поманил Бориса.

– Только помалкивайте, что бы она Вам ни говорила, – предупредил я.

– Ладно, – буркнул он.

Появление красивого, стройного морского офицера произвело впечатление. Я это заметил сразу.

– Садитесь! – скомандовала сестра. – Сейчас чего-нибудь придумаем.

Она достала какие-то банки-склянки и реставрация расцарапанного лица моего будущего друга началась. Через 15 минут Борис, посмотрев на себя в зеркало, разразился словами глубокой благодарности, перемежающихся поцелуями обеих умелых ручек нашей спасительницы.

– Будете в Потти – всегда Вас жду, – рассыпался он в комплиментах.

– Да, Да! Знаю я вас, не первый год на море, – отрезала медсестра, выпроваживая нас из медпункта. – А вам, «помощник командира», советую выбирать мишени поосмотрительней.

– Ну, док! Ты молоток, догадался, – радовался помощник, всматриваясь в свое отражение почти у каждого зеркала длинного коридора. – Ишь, как заштукатурила, ничего и не заметно. Все прощаю тебе. Давай готовься к сходу на берег, через час – наш чертов Потти. На корабль пойдем вместе.

– Ладно, ладно, вместе, а все же с ней-то как, удалось? – полюбопытствовал я.

– Да какое там, только то, что ты видел. Вот и все удовольствие, – печально подвел он итог вчерашней интрижки.

Корабль

Корабль встретил меня шумом работающих механизмов и ревом вентиляторов. Шли швартовые испытания работы механизмов. ЭМ «Безудержный» заканчивал «средний» ремонт и, простояв у стенки завода полтора года, рвался в море. Рядом с нами стоял корабль поменьше и на вид постарше. Это был ЭМ «Огневой» – тот самый, на который был назначен будущий академик РАН и директор института, мой друг и однокашник Володя Свидерский.

Оставив свой чемодан у рубки дежурного по кораблю, я сразу же явился с докладом о прибытии к старшему помощнику командира (то есть старпому). Командира не было, он перегонял какой-то корабль с Балтики на ЧФ вокруг Европы и должен был вернуться со дня на день. Меня встретил огромного роста, рыхлый и хмурый капитан-лейтенант. Это был гроза всего личного состава корабля капитан-лейтенант Михаил Барсуков.

– Садитесь, доктор – устало сказал он. И я окончательно понял, что врач корабля – это доктор, а короче – «док».

– Ваш предшественник в отпуске и прибудет сдавать дела через месяц, а пока располагайтесь в каюте № 2, обживайтесь, знакомьтесь с людьми, изучайте корабль. Вам все понятно?

– Так точно!

– Да, кстати, доктор, а как у вас с аппетитом? – внезапно спросил он.

Я удивился и, ничего не подозревая, сказал, что потерей аппетита не страдаю, и даже наоборот – люблю поесть.

– Ну, это прекрасно, – резюмировал старпом.

– В здоровом теле – здоровый дух.

– Посмотрим, посмотрим!

Слишком поздно я понял, что расписавшись в отличном аппетите, допустил грубую тактическую ошибку, ибо прямо на следующий день после представления меня офицерскому коллективу, получил первую (увы, далеко не последнюю) дополнительную нагрузку – «заведующий кают-компанией».

Помощник командира Борис Афанасьев с «заштукатуренной» щекой был очень доволен:

– Ну, док, вместе лямку тянуть будем, а подкармливать нас ты будешь!

Итак, поселили меня в каюту № 2. На кораблях проекта «30 бис», каким был ЭМ «Безудержный», каюта № 2 находилась в самом носу в конце коридора офицерского состава по левому борту. Все невзгоды погоды, удары чем-либо о палубу в районе бака – все отражалось в каюте. Было ощущение, что находишься в металлической бочке, по которой постоянно чем-то колотят.

Войдя впервые в каюту со своим огромным фибровым чемоданом, в котором находилось все мое состояние, я первым делом попал в объятия маленького, довольно щуплого человека с хитрыми глазками и редкими передними зубами. На его лице была такая радость, что казалось, он ждал меня всю свою жизнь. Это был мой сосед по каюте – начальник интендантской службы капитан Василий Празукин.

– Ну, доктор, давно вас ждем, ибо ваш предшественник капитан м/с Капитанов, в общем-то, прекрасный человек и доктор, давным-давно на все, простите, «забил и положил». Ему все так надоело, что он хотел только одного – сбежать с корабля и уволиться в запас.

Коротко познакомившись и поведав друг другу основные штрихи нашей предшествующей жизни, я узнал, что прежде чем стать интендантом, Вася был матросом, артиллеристом, писарем, медбратом, токарем и т.д., а всего перепробовал 13 специальностей. Вершиной его изумительных интендантских способностей, как я потом узнал, было умение достать что-либо намного раньше других и списать то, что другим списать никак не удавалось. Написанные им и собственноручно отпечатанные «Акты о списании» были виртуозно обоснованы и реализо-

ваны. Боже, сколько я их видел за совместную службу, и чего только здесь не списывалось. Он был постоянно занят и даже после отбоя, когда уже все давно спали, я видел его сидящим за столом и долбящим своими крючковатыми пальцами по клавиатуре старо-престарой пишущей машинки новый «Акт о списании» или «Заявку на получение».

Я отвлекся. Я так устал за первый день нахождения на корабле, что только и ждал отбоя. Вася это понял.

– Вот что, доктор, ваша койка верхняя. Вы уж извините, но я старше вас по возрасту, званию и не так физически подготовлен, чтоб сигать на такую высоту. Вы согласны?

– Да, да, – мне было все равно, лишь бы скорей оказаться в постели.

– Сон у нас здесь на корабле, доктор, богатырский. Так ухандокаешься за день, что и выстрела над головой не услышишь, – философствовал Празукин, разбирая свою койку.

Была лунная ночь, иллюминаторы отдраены, и полосы лунного света вяло освещали каюту. Быстро раздевшись, запрыгнул к себе на «второй этаж» и, немного повозившись, выбрал подходящую позу, чтобы забыться в сладком сне.

Мысли путались и уже на самом излете бодрствования, когда сладостно приблизился момент «отключения», вдруг что-то сильно укололо меня в ягодицу. Я подпрыгнул на кровати и стал лихорадочно ощупывать постель в поисках острого предмета, так безжалостно отобравшего у меня секунды блаженства. Ничего не обнаружив, на всякий случай заглянул вниз, где на койке раскинулось тело моего соседа. Лицо Празукина, слабо освещенное лунным светом, было спокойным, он безмятежно посапывал, в углу рта в такт дыханию трепетал пузырек слюны. «Вот это темпы, – подумал я, – так быстро заснуть – просто на грани фантастики». Недоумевая о причинах укола, я снова погрузился в объятия прекрасного чувства отрешения от суровой действительности, как вдруг вторично что-то пребольно воткнулось мне почти в то же место. Я снова стал шарить руками по постели в поисках источника, так безжалостно прерывающего мой покой. Поиски были безрезультатны. Я снова посмотрел вниз, но кроме усиления хлюпанья слюны и сонного чмоканья губами моего визави, ничего не увидел и не услышал. На всякий случай, выбрав удобную позу для наблюдения, решил посмотреть за моим нижним соседом. Для маскировки тихо засопел. Прошло несколько томительных минут, как вдруг Вася стал оживать. Я увидел, что он приподнимается, и даже темнота не помешала мне разглядеть, что в руке у него что-то длинное и эти длинным он пытается проткнуть мой матрас. Решение пришло мгновенно. Я перестал сопеть и громко произнес:

– Ку-ку, ку-ку. Он рухнул на постель и включил ночник.

– Доктор, доктор! Ты прошел, прошел!

– Что прошел? – угрюмо спросил я.

– Проверку на вшивость, на присутствие чувства юмора. Твое «ку-ку» было прекрасным завершением этой проверки!

Орудием, помогавшему этому мерзавцу проверить меня «на вшивость», как я увидел, было длинное-предлинное и, видимо, очень острое шило, которым он оперировал с хирургической точностью – чтоб только уколоть, но не более.

– Ну, ты даешь! – сказал я удивленно-возмущенным тоном. – А если бы ты меня ранил?

– Нет, – засмеялся он, – дело отработано в точности, не одного новичка на шило нанизывал – все обходилось.

Спорить с ним или возмущаться было бесполезно, и я через секунды уснул крепким сном. Это была первая шутка надо мной, но далеко не последняя. На следующий день все офицеры знали: «Доктор прошел проверку – он наш!».

«Слон»

За завтраком мне показали мое место за столом кают-компаний. В ней было два больших стола. Один справа от двери, где сидели младшие офицеры корабля во главе со старпомом, а слева – где сидели командир корабля, замполит, помощник командира и командиры БЧ (боевых частей). Обслуживали двое вестовых из матросов. Кухня была единой для всего личного состава корабля. Садись за стол после прихода командира и команды «Товарищи офицеры!». Все вставали по стойке «смирно». Командир приглашал всех к столу и трапеза начиналась. Ежедневно в кают-компанию для приема пищи приглашали четыре раза. Утром – завтрак: чай и хлеб с маслом; обед: первое, второе, компот; ужин: первое, второе, компот и вечерний чай с хлебом и маслом, плюс доппаек за счет средств самих офицеров, чаще колбаса или сыр. Так же питался и личный состав корабля, только без доппайка.

И вот буквально на следующий день после прибытия на корабль – я назначен заведующим кают-компанией, а это значит, что я должен был собирать с офицеров деньги и в городских магазинах покупать доппаек, что сразу же и сделал. Вопрос всегда был только в том, что купить, в каком количестве и за сколько, чтобы хватило. В первый раз я примерно прикинул возможности и купил один килограмм твердой-претвердой тонкой колбасы, то ли конской, то ли из буйволятины. Буйволов в округе Потти было предостаточно. Передав купленное вестовым и велел поделить все на оба стола к вечернему чаю, я с удивлением увидел, что на каждой тарелке лежит по крохотному кусочку колбасы. Когда все сели к столу, старпом грозно посмотрел на меня:

– Доктор, вы сколько колбасы этой купили, а?

– Килограмм, – пролепетал я.

– Ну, вот что, не килограмм, а чтоб завтра полтора метра ее было. Вы поняли?

– Так точно, но ведь она в килограммах продается! – удивился я.

– А вы полтора метра отмерьте, а потом пусть взвешивают. Это что вы тут за экономию разводите, уморить нас хотите? Мне этот кусочек, что слону дробина!

Все захихикали. Я только потом понял, что это любимая его поговорка. Что бы ему ни давали, учитывая его рост и вес – все оказывалось «дробинкой». Так, буквально на следующий день, меня срочно вызывал старпом.

– Доктор! Дай что-нибудь от головы, боль просто башку сносит!

– Товарищ капитан-лейтенант, давайте я вас осматрю, давление измерю...

– Я сам знаю, что у меня! Тащи лекарство. Я принес таблетку пирамидона.

– Вы что, вот это мне? – покрутил он таблетку передо мной. – Издеваешься? Он переходил с «ты» на «вы» и обратно.

– Мне это, что слону дробина! Тащите три таких!

С этого дня я узнал, что кличка его на корабле была «Слон», а момент его прохождения по верхней палубе назывался и передавался из уст в уста, как «Слон на боевой тропе!». На этой тропе он охотился на всех нарушителей формы одежды, бесцельно болтающихся на верхней палубе; ругал боцманов за плохую покраску, уборку, за недостатки в состоянии плавсредств на борту и так далее. Артиллеристов стыдил за грязные чехлы на орудиях, механиков за излишнюю дымность и т.д. и т.п. Когда клич «Слон на боевой тропе!» достигал ушей матросов – все бросались в рассыпную, чтобы спешно укрыться, смыться, спрятаться. Даже офицеры стремились не попадаться ему на глаза, ибо расплата наступала после вечерней проверки. Он собирал офицеров.

– Так, станьте полукругом, – командовал он. – Чтобы я всех вас видел.

Когда все выстраивались возле него, наступала раздача «слонов». Карать он начинал всегда с механиков, ибо там нарушений было больше всего. Он тыкал пальцем в командира БЧ-V (электромеханическая боевая часть):

– Якованец, до каких пор твои черномазые будут... – и начиналось перечисление нарушений со стороны кочегаров, машинистов и электриков. – Бардак!

В конце «раздолбона» приговор:

– За систематическое и т.д... – двое суток ареста при каюте! (В те годы эта мера наказания военных моряков еще существовала). Затем его палец упирался в артиллерию:

– Т...ий, бардак в пятом кубрике! (В пятом кубрике проживало около пятидесяти человек, и беспорядки можно было найти почти всегда).

И так его указующий и карающий перст упирался во всех с соответствующими выводами: замечания, выговоры, арест при каюте. Когда он доходил до меня, его палец, как дуло маузера, поблуждав возле моего носа, упирался в живот.

– Ну а вы, доктор, и так никуда не ходите с корабля, поэтому наказывать вас сегодня не буду, но помните, что всегда есть за что!

Я и вправду уже месяц не сходил на берег, кроме ближайшего продмага. Жена была в Питере, а денег у меня не было, да и ходить в Потти было некуда.

Напоследок старпом словесно отхлестал интенданта и на этом экзекуция кончалась; все расходились, шепотом кляня Слона. Опять жены не дождутся своих бедолаг.

«Перпетуум-мобиле»

Я постепенно знакомился с кораблем, с офицерами и матросами. Дня через три после прибытия, со мной захотели поближе познакомиться командир БЧ-I (штурман) и БЧ-II (артиллерист). Они жили в одной каюте. Ремонт корабля приближался к концу, основная нагрузка лежала на механиках. У штурмана и артиллериста все было «тип-топ» и они откровенно бездельничали, правда, тщательно избегая встречи со старпомом, который всегда мог изобрести какуюнибудь нагрузку и заставить работать.

Так вот, в один из вечеров, после ужина прибежал рассыльный и сказал, что я приглашаюсь в каюту штурмана. Оба, и артиллерист, и штурман, были старше меня по званию, давно служили на «Безудержном», поэтому, несмотря на равное положение в иерархии корабля, я решил просьбу уважить. Постучал в каюту. В ответ гробовая тишина. Я постучался и назвал. Дверь рывком отворилась и меня буквально затянули внутрь, и она вновь захлопнулась. Первое, что я почувствовал, был тяжелый запах гремучей смеси спирта, свежего лука и соленой селедки.

– Тише! – зашептал штурман. – Не напугай!

– Кого? – удивился я. В ответ в полутемной каюте он показал на потолочный плафон:

– Смотри!

На нитке, привязанной петлей к плафону, вертелось бумажное колесико, по внутренней стороне которого, как белка в колесе, бегал большой таракан, создавая крутящий момент.

– Знаешь, док, что такое перпетуум-мобиле? Вот смотри – уже второй час крутит. Мы тут пари заключили на бутылку «армянского». Я говорю – два часа выдержит, а он – три.

Итак, итог пари двух солидных капитан-лейтенантов, чьи боевые части давно были готовы к бою и походу, подходил к концу. Мне сходу было предложено четверть стакана «горючего», от которого я категорически отказался.

– Ну, док, ты прямо как не свой!

– Не могу, – оправдывался я, – не пью совсем.

Я, конечно, лукавил, но обстановка требовала именно этого ответа. Побыв минут пятнадцать в их компании, где наша флотская интеллигенция, явно скучая от безделья, отпускала ехидные шутки по поводу «этих» пропахших маслом и мазутом механиков и кочегаров, которые, работая с утра до вечера, как лошади, задерживали ремонт и ввод корабля в действующее соединение.

– Господи! – жаловался штурман. – И когда мы «морские» будем получать!

«Морские», как я узнал позднее, платят только экипажам, сдавшим соответствующие курсовые задачи и ввода корабля в строй плавающего состава.

«Румпель»

Прошло несколько дней. Приехал командир корабля, плотный, среднего роста, с большим крючковатым носом, с быстрым внимательным взглядом. Выглядел строго и несколько отстраненно. Я представился и доложил краткую автобиографию. Выслушав и пожав мне руку, он дал мне месяц на изучение корабля, его основных тактико-технических данных, вооружения и устройства службы, пообещав через месяц самолично проверить мои знания.

– Ну что, у Румпеля побывал? – спросил меня штурман, видя, как я спускаюсь с трапа ведущего в каюту командира.

– У кого, у кого? – удивился я.

– Да ты что, до сих пор не знаешь, что у нашего «кэпа» кличка «Румпель». Видел, какой нос-то у него? Так я впервые познакомился с командиром, с которым мне предстояло многое пережить за годы совместной службы на «Безудержном».

– Доктор! – на следующий день, встретив меня на палубе, сказал командир. – Скоро мы выходим в море, делайте все, чтобы личный состав был здоров, боеспособен, чтоб никаких инфекций и прочих заболеваний. Головой отвечаете. Следите за камбузом; проба пищи – ваша забота и чтоб камбуз всегда сверкал, а коки и матросы-помощники были с чистыми руками и одеждой, да и вестовых в кают-компании почаще проверяйте, а то они иногда пальцы в супе замачивают, да и чтоб «траурных полос» на ногтях не было.

Я обещал за всем следить.

Флотский харч

Вообще прием пищи на корабле – святое дело. Триста здоровых молодых людей с утра до позднего вечера занятых службой на аппетит не жалуются. Кормили обильно, но качество продуктов и приготовления пищи иногда подводили. Коками были старшины и матросы срочной службы, окончившие краткосрочные курсы. Из каш преобладала «дробь»-перловка. Свежая картошка была только до мая месяца. Почти все лето, до нового урожая, получали сушеную картошку, качество которой было низким. Любимой едой были макароны по-флотски и борщ.

Офицеры, как я уже говорил, закупали доппаек, что несколько разнообразило надоевшее меню и продляло минуты бесед за вечерним чаем. Разговоры за столом велись обо всем, кроме служебных. Не зная этого, как-то в первые дни пребывания на корабле, я завел разговор о текущих делах, но был тут же прерван Слоном (старпомом).

– О чем вы говорите, доктор? Вы что, не знаете о чем говорить? Обо всем, кроме службы. Поняли? Особливо о бабах и прочих приятных моментах! А вы о планах! Чтобы этого больше не повторялось.

Я все понял и в последующие шесть лет сам сдерживал молодых офицеров, повторявших мою ошибку.

Надо сказать, что в традициях флота – флотское гостеприимство. Гостя или гостей старались хорошо накормить, а иногда чуть-чуть и напоить. Но это не касалось офицеров штаба, надолго прикрепленных на «кошт». Так значительно позже, уже в Севастополе, к нам прикрепили бригадных «флажков» (флагманских специалистов). Дело в том, что число мест в кают-компании строго соответствует штату офицерского состава, и все принимают пищу в одну смену. И вдруг:

– Доктор! К нам прикреплен для питания штаб бригады. Позаботьтесь о чистоте и порядке в кают-компании. Питаться офицеры штаба будут в первую смену, так что младших офицеров переведите во вторую. Вам все понятно?

– Понятно, товарищ командир, но ведь офицерам корабля будет очень неудобно: съедается время послеобеденного отдыха.

– Доктор, вы все поняли?

– Понял, понял, – оправдывался я. Что тут скажешь? Пошел к интенданту Васе Празукину. Он уже все знал.

– Доктор, спокойно, спокойно, не нервничайте, не тратьте свое драгоценное для нас всех ваше здоровье по пустякам. Есть очень действенные и ненаказуемые методы выдавливания «чужаков» из нашей питающейся братии.

– Как это? – изумился я.

– Да очень просто. Пусть вестовые, когда разносят первое блюдо, несколько раз окунают пальцы в уже не очень горячий суп. Если это не сработает, пусть вестовые после каждого блюда интересуются у едока: «Вам что, и второе подавать?» или «Вы что, и компот будете?».

– Но ведь вестовых накажут, и нас ругать будут!

– О, доктор, когда же вы перестанете быть таким наивным? Надо все обыграть очень тонко, чтоб едок все видел и все понимал, но оснований для прямых обвинений у него не было. Все спланируем на молодость вестовых, на их пролетарское происхождение, где никаких буржуазных тонкостей с кормлением не было. Ешь, что дадут и все дела.

Да, Вася был опытным психологом. Вестовые были тайно проинструктированы и «выживание» началось. Пару раз флагманский механик обращался ко мне:

– Вы, доктор, воспитывайте гигиенические навыки у вестовых. Что это они пальцы в супе полощут. Я одного спрашиваю, ну что, пальцам-то не горячо? А он, мерзавец, не моргнув

глазом, отвечает: «Нет, товарищ капитан третьего ранга, суп не очень горячий!». Вот гад, а тарелка полная до краев!

Я оправдывал вестовых, как мог. Механик, махнув рукой, отходил. Короче говоря, питались они у нас не больше трех недель и перешли на соседний корабль. Меня и Васю вызвал командир.

– Вы что оба думаете, что я не догадываюсь, почему «флажки» ушли от нас, правила гостеприимства для Вас что, не существуют? Почему штабные сбежали от нас? Качество пищи у нас не хуже, чем у соседей.

Мы корчили невинные рожи и, конечно, недоумевали вместе с командиром. Он упрекал нас, но без злости. Видимо, в душе и он был доволен этим обстоятельством, но положение обязывало отреагировать.

Младшие офицеры торжествовали. Все встало на свои места, а стабильность – залог спокойствия души и тела.

У доктора средство!!!

Ремонт корабля заканчивался. Командир всех торопил, люди уставали, нервничали. Дежурство по кораблю начиналось в 18.00, и вот однажды, часов в 17, ко мне припелся дежурный по кораблю старший лейтенант Фролов.

– Доктор, помоги. Дай чего-нибудь, с ног валюсь, час дежурить осталось, а я уже иссяк.

«Что ему дать? – подумал я. – Дай-ка его стимульну». В те времена у нас была настойка чилибухи – возбуждающего средства, повышающего тонус мускулатуры и т.д. Дозу лекарства я забыл, но при лейтенанте лезть в справочник не захотел. Думаю, капель 20 хватит. Я накапал ему в мензурку ровно 20 капель. Выпив и вяло поднявшись, он поплелся в дежурку. Через полчаса Фролов ворвался ко мне в медпункт с воплем:

– Док! Что ты мне дал, а?! Бабу давай! Ба-бу!

Руки у него были глубоко в брючных карманах, и он явно пытался усмирить взбунтовавшуюся плоть.

– Уйди, – погнал я его, – сменяйся, все скоро уgomонится.

С дозой я чуток перестарался. Буквально на следующий день понял, что инцидент с Фроловым так просто мне не пройдет. По офицерскому коллективу пополз слух: у нового доктора есть потрясающее средство. В те времена никаких «виагр» или «виардо» не существовало, ибо, как отрезала позже американским слушателям одна наша советская женщина: «В СССР секса нет»!

Через несколько дней мы должны были выйти на ходовые испытания с заходом в город Новороссийск. Накануне выхода, вечером у меня в медпункте появился штурман.

– Ну, док, как дела? Привыкаешь? Мы тут посоветовались и решили, что ты мужик свойский и тайну хранить умеешь. А?

Я насторожился.

– В чем дело-то?

– Да вот, говорят, средство у тебя очень эффективное есть, а? Фролов говорил, что за полчаса из доходяги в истинного мужика превратился. Дай мне это средство в той же дозировке. Накапай в пенициллиновый флакончик с резиновой пробочкой.

– Ладно, – согласился я, гордый своей значимостью в жизни офицерского состава корабля.

Флакончик с закапанным лекарством перешел к ошастливленному штурману.

– Да, а когда употреблять-то? – скромно осведомился он.

– На Фролова за полчаса подействовало, так что употребите в эти сроки до мероприятия.

– Понял, понял, – обрадовался штурман. – Ну, спасибо, док, хороший ты человек. С понятием. Через час явился помощник командира Борис Афанасьев.

– Доктор! Штурман у тебя был?

– Был.

– Так вот, мне то же самое, в той же дозе и в той же таре.

– Вы чего, сговорились, что ли? – возмутился я.

– Не любопытствуй, молод еще. Говорят, то же самое и в той же дозе, и все тут.

– Ну, ну, ладно, – сдался я. – Время приема знаете?

– Заметано, – подобрел помощник. – Молодец ты, док, новую медицинскую струю внес в жизнь коллектив, а то Капитанов, твой предшественник, заржавел здесь, ничего его не трогало, а ты вот по-настоящему заботишься о наших проблемах.

Мое самолюбие было удовлетворено. Оценили. Штурман и помощник командира не последние люди на корабле.

Вышли в море утром и к вечеру подошли к Новороссийску, пришвартовались к стенке. Несколько офицеров сошли на берег, как оказалось позже, до утра.

Утром перед подъемом флага на шкафуте меня встретил штурман.

– О, док! – обрадовался он. – Ты молодец и средство твое классное, спасибо, друг!

Я был доволен.

– Ну что, все «окей»?

– «Окей», «окей», потом еще налей, – продекламировал штурман.

Тут же подошел помощник. Лицо его было злым, бледным и несколько одутловатым, как у человека, измученного длительным невысыпанием.

– Так вот, док! Ты только служить начал, а уже второй раз меня подставляешь, со старшим товарищем шутики шутишь!

– Какие шутики? – удивился я.

– Ты почему мне другие, чем штурману, капли накапал, а? Я на тебя так надеялся, а ты!

– Да что вы говорите! – возмутился я. – И лекарство то и доза та же!

– А почему штурман «три», а я... – И он пальцем показал «ноль». – А? В чем дело, доктор? Ты меня так подвел.

– Да что вы говорите, товарищ капитан-лейтенант, все было, как у штурмана, – оправдывался я.

– Ну, смотри, что-то ты мне мозги пудришь.

Позже я узнал суть дела. Оказалось, у них в Новороссийске были две знакомые женщины, которые проживали в одной квартире. Придя к ним, собрав стол и выпив, они приготовились к самому главному. Предварительно зайдя на кухню и, чокаясь пенициллиновыми флакончиками, были застигнуты врасплох одной из хозяек.

– Мальчики, а что вы тут пьете? – поинтересовалась она.

Это так смутило помощника, что его последующие усилия были тщетны, и ночь любви превратилась в сплошные страдания без сна и без любви. У штурмана нервы были покрепче, он не обратил внимания на этот провокационный вопрос, и все у него пошло, как по маслу, к большому удовольствию, как его самого, так и одной из хозяек.

Результат – мои медицинские возможности в этом деле и авторитет дали трещину.

Корабль возвратился в Потти устранять выявленные в походе дефекты ремонта. Через несколько дней внезапно в медпункте появился Володя Свидерский.

– Слушай, я к тебе. Назначен проверить твою деятельность в составе комиссии, проверяющей корабль, и составить акт. Ты понимаешь, дружба дружбой, а служба службой.

Я был очень удивлен, особенно последними словами Вовки.

– Ну и проверяй, давай копай, тебе ведь приказали, – провожая, сказал я.

На следующий день Свидерский целый день шатался по кораблю, совал свой нос всюду, присматривался. Просмотрел все мои бумажки и в результате при подведении итогов комиссии появился акт, где в отношении медицины прозвучали очень нелестные слова. Я был в шоке.

– Ты что, обалдел? – шипел я на него. – Мог бы и не писать так гнусно.

– Дружба дружбой, а служба службой, – причитал он. – Ты должен меня понять.

Я, конечно, понял, но затаил. Бумеранг сделал свое дело буквально через неделю. Меня вызвали к командиру дивизиона ремонтирующихся кораблей, и мне была поставлена задача проверить медслужбу «Огневого» самым внимательным образом и отразить результаты проверки в акте. Немезида торжествовала. Сделав постную и безразличную рожу, я явился к Свиде и изложил суть дела. Он обмяк:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.